

Фабрики мысли спасли Америку

Станет ли Россия пространством новых возможностей?

Россия находится в состоянии стратегической растерянности. Положение во многом схоже с ситуацией, сложившейся в США в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в.. Не последнюю роль в выводе страны из кризиса сыграли тогда фабрики мысли think tanks. Западный опыт может оказаться для России весьма кстати. XXI в. нужна своя «большая волна», собственное поколение радикальных изобретений и открытий. Необходимы творчество, открытия и люди, которые их порождают.

Взгляд в прошлое

Инновация для человечества по историческим меркам дело довольно новое. Многие тысячелетия человечество создавало разнообразные механизмы для предотвращения инноваций. На протяжении практически всей истории, кроме времени современной цивилизации, человек скорее избегал новизны, нежели стремился к ней.

Инновация становится повседневной реальностью, когда в обществе появляются такие ценности, как свобода и личность. В полной мере это характерно для христианской цивилизации (со временем ставшей глобальной), где процесс творчества во всех его проявлениях, совпадая с вектором освобождения человека от пут традиционного общества, становится чертой повседневности. Социальное время ускоряется, инновации облегчают время существования, повышается степень независимости человека от природы.

Однако при этом инновации отнюдь не ограничиваются техническими изобретениями. Пожалуй, гораздо более масштабное и, во всяком случае, никак не менее значимое явление социогуманитарные изобретения и технологии.

Инновация как техническое изобретение

Инноватика часто понимается утилитарно: как научно-техническое изобретение, перспективное для использования в военных целях, либо как научно-технический продукт, годный для использования на рынке. Сложилось устойчивое «материально-техническое», «вещественное» понимание проблемы. Такая трактовка возникла под влиянием нескольких факторов. Прежде всего из-за господства материализма и прагматизма в XX в. Кроме того, подобный подход следствие триумфа промышленной революции. Ведь НТР реализовалась в сфере материального производства, предопределив тем самым понимание инноватики как чего-то конкретного, «технического», некоего решения в области производства.

Утилитарность науки свойственна всему XX в. Еще в самом его начале происходит революция в управлении инновационными ресурсами отрыв инновационного производства от университетской науки.

Инноватика становится «вещью в себе». Эта тенденция в значительной мере определяется заинтересованностью в новых системах вооружения. Исследования, проводимые под эгидой военных ведомств, рождают и новую форму организации творческой деятельности лабораторию и конструкторское бюро, которые активно развиваются после Первой мировой войны, убедительным образом показавшей потенциал инноватики в создании новых видов вооружения (танк, пулемет «Максим», газы).

Истинным же акселератором инновационного процесса стала Вторая мировая война, когда был реализован целый каскад изобретений и технологий.

Не менее важным результатом стало внедрение проектного подхода и исследования операций. В этом ряду можно назвать «Манхэттенский проект» в США, проект «Ультра» и криптографическую школу в Великобритании, «Ракетный проект» в Германии и «Атомный проект» в СССР. Эта новая институциональная форма, в свою очередь, породила та-

кой феномен, как закрытые города, например Лос-Аламос в США и ряд площадок в СССР, где наука начала выступать и как непосредственная производительная сила, и как самостоятельная отрасль экономики, имеющая не только производственную, но и социальную ипостась и со временем превращающаяся в особое направление социального творчества.

Империя фабрик мысли

После Второй мировой войны в США распространяются знаменитые think tanks фабрики мысли интеллектуальные корпорации, объединяющие, собственно, научные исследования с иными реалиями, такими, например, как политика.

В числе задач остаются, конечно, и научно-технические проблемы, но не они составляют суть организационной новации. Происходит расширение исследовательского поля: от выполнения научно-технических проектов к исследованию многофакторных головоломок любого типа. Созданный за годы войны корпус исследователей приступает к решению нового класса задач, связанных, прежде всего, с социогуманитарным моделированием.

В лице think tanks наука и политика находят точку соприкосновения. С их помощью осуществляется индустриализация политических концептов, обеспечивается их гибкость и вариабельность, прописывается сценарное древо. Подобный подход позволил решить не только такие сложные и комплексные проблемы, как, например, выживание Западного Берлина в условиях блокады, но также исследовать новые задачи и проблемные поля, в том числе связанные с социальным, политическим и геоэкономическим регулированием.

Но что же является главным объектом исследовательской деятельности фабрик мысли? Прежде всего это особый, нематериальный продукт алгоритм практического решения комплексной проблемы.

К концу 1960-х гг. количество интеллектуальных фабрик в Америке исчисляется уже сотнями. Это около 600 организаций из общего числа научно-исследовательских групп и учреждений плюс около 200 некоммерческих организаций и примерно 300 коммерческих.

Примерно 75 из них связаны контрактами с федеральным правительством. В основном это федеральные научно-технические центры. Кроме того, некоторые из этих учреждений являются частью государственного аппарата: научно-исследовательская группа Белого Дома, ряд институтов вооруженных сил и т. п. Знаменитая RAND, кстати, относится к первой группе, а не ко второй. Несмотря на свои военные корни, это некоммерческое, независимое предприятие.

Поворот к будущему

Между 1968 г. и 1972 г. Америка оказалась в кризисной ситуации, чем-то напоминающей положение, в котором находится сегодня Россия.

США пребывали в стратегической растерянности. У них не было плана действий, нацеленного на историческую перспективу. При этом круг проблем, с которыми столкнулась страна, был весьма разнообразен: вьетнамская война, фактическая утрата долларом позиций мировой резервной валюты, внутренняя социальная нестабильность и т. д.

Выход из кризисной ситуации был найден за счет стратегического концепта проекта «Глобализации».

Именно тогда, в 1966 г., Президент США Линдон Джонсон выступает с заявлением о необходимости внесения серьезных корректив в систему отношений Запада и Востока. Вскоре создается команда по реализации соответствующей программы действий. В те годы ряд влиятельных неправительственных и международных организаций от Совета по международным отношениям (CFR) до Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) проявили интерес к идеям футурологии, исследованию исторических

горизонтов, перспективам долгосрочного планирования и вообще к занятиям глобальной проблематикой.

Социальная динамика на планете, а также опыт работы над масштабными проектами (в частности, военными и космическими) предопределили кристаллизацию идеи уверенного мониторинга будущего. Появилась необходимость «искать пути понимания нового мира с множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать, как управлять новым миром». Задача «создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем» вышла на первый план.

We Build History

Так возник социальный заказ на системную рационализацию в этой области.

Организация экономического сотрудничества и развития предложила Эриху Янчу, одному из будущих отцов-основателей Римского клуба, заняться в рамках специальной исследовательской программы изучением вопроса о соотношении прогнозирования и планирования. Деятельность эта, в конечном счете, привела к формированию нового вида прогнозирования нормативного, базовый алгоритм которого разворачивается не от настоящего к будущему, а от будущего к настоящему. Если вдуматься, то это не парадокс. В виде рабочего алгоритма здесь присутствует идея, выраженная в девизе *We Build History* — мы строим историю.

Иными словами, сначала определяется желаемый облик будущего, а затем за счет эффективного контроля и управления настоящим осуществляется гибкое, динамичное и целенаправленное изменение реальности.

Приблизительно в эти же годы Збигнев Бжезинский формулирует тезис об общей стратегической цели Запада создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. Соответствующие социальные и политические ориентиры были очерчены им в работе «Между двумя эпохами». Вот они:

- 1) замена демократии господством элиты;
- 2) формирование наднациональной власти за счет сплочения индустриально развитых стран;
- 3) создание элитарного клуба ведущих государств мира.

В начале 1970-х гг. создается ряд новых центров по исследованию мировой проблематики. Помимо упрочившего свое положение Римского клуба в 1972 г. рождается International Federation of Institutes of Advanced Studies (IFIAS) Международная федерация институтов продвинутых исследований. Одновременно появляется на свет объединение ряда национальных центров International Institute of Applied System Analysis Международный институт прикладного системного анализа.

В 1973 г. образуется Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. А в 1975 г. возникает новый мировой регулирующий орган, Большая шестерка (G-6).

Создание всего этого организационного инструментария способствовало не только реализации политики разрядки, но, главное, успешной перестройке стратегии США, ускорению процесса глобализации и обустройства новой инфраструктуры планеты.

Кризис инноваций

Экономическая деятельность в XX в. основывалась на освоении инновационных пространств. Четыре основных инновационных горнила первой волны это электричество, двигатель внутреннего сгорания, химия и новые средства коммуникации.

Вторая инновационная волна прошла по планете в середине века. Она была связана с ядерной энергетикой, космической промышленностью, индустрией ВПК и компьютерной революцией. Формат реализации этих технологий был, однако, заметно ниже, чем у первых четырех. Космические полеты и ядерная энергетика поражают вооб-

ражение. Однако их значение все же несоизмеримо с ролью предыдущих инноваций, перевернувших образ жизни цивилизованного человека и экономику.

Последняя же инновационная волна XX в. производит странное впечатление. Несмотря на расцвет информационных и финансово-экономических технологий, инновационный импульс не только не возрастает, а скорее затухает.

Этот процесс стал заметным в 80-х гг. прошлого века. При общем росте значения интеллектуальных технологий фундаментальные открытия radical innovations сменяются многочисленными эффективными рационализациями этих открытий progressive innovations. Происходит универсальная технологизация науки. Реальный же инновационный процесс к 1980-м гг. практически останавливается, его нет.

Однако в мире уже сформировался социальный заказ на новую фундаментальную инноватику. XXI в. нужна своя «большая волна», собственное поколение радикальных изобретений и открытий. Необходимо творчество, открытия и люди, которые их порождают.

Россия пространство инноватики?

В этой ситуации перед Россией открывается весьма интересная перспектива. История предоставляет возможность для реализации масштабного национального инновационного проекта, поскольку есть основания полагать, что существует глобальный запрос на то, что составляет специфику России.

В российской ментальности есть черта, которая в ряде случаев проявляет себя как «промоутер инноватики».

У нас отсутствует устойчиво формализованный взгляд на положение вещей. Мы лучше видим переменчивость пространств и структур, их несоответствие формальным лекалам, а следовательно, улавливаем невидимые, «не имеющие имени» возможности, т. е. инновации. Это позволяет размышлять о российском проекте не просто как о проекте создания инновационной экономики, а скорее как о формуле построения национальной инновационной культуры.